

Бобкова Елена Александровна, Шагбанова Хабиба Садыровна

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ИВАНОВА

Статья посвящена творчеству писателя Л. Иванова как представителя жанра деревенской прозы. Дается аргументация в пользу термина "деревенская проза". В произведениях этого писателя нашли отражение вопросы нравственности, связанные с сохранением духовных ценностей, традиций и жизненного уклада русской деревни, народной морали и народных нравственных устоев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821

Филологические науки

Статья посвящена творчеству писателя Л. Иванова как представителя жанра деревенской прозы. Дается аргументация в пользу термина «деревенская проза». В произведениях этого писателя нашли отражение вопросы нравственности, связанные с сохранением духовных ценностей, традиций и жизненного уклада русской деревни, народной морали и народных нравственных устоев.

Ключевые слова и фразы: художественная литература; судьба народа; деревенская проза; вопросы нравственности; жизненный уклад; взаимоотношения деревни и города.

Бобкова Елена Александровна**Шагбанова Хабиба Садыровна**, д. филол. н.*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников**Министерства внутренних дел Российской Федерации**bobkova-elena@yandex.ru; skhabiba@inbox.ru***ДРАМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ИВАНОВА** ©

Литература всех народов всегда характеризуется обостренным вниманием к вопросам нравственности, к постановке и решению глобальных духовных проблем. Проблемы нравственности, связанные с сохранением духовных ценностей, традиций и жизненного уклада деревни, нашли отражение в деревенской прозе. Деревенская проза – направление в русской литературе 1960-1980-х годов, осмысляющее драматическую судьбу крестьянства, русской деревни в XX веке. Особое внимание уделялось вопросам нравственности, взаимоотношениям деревни и города, человека и природы. Отдельные произведения начали появляться уже в начале 1950-х годов (очерки Валентина Овечкина, Александра Яшина и др.), но только к середине 1960-х годов деревенская проза оформилась в особое направление.

Многие исследователи считают термин «деревенская проза» неуместным. Причин несколько: во-первых, в литературе тема деревни отражена не только в прозе, но и в поэзии (Н. Рубцов), драматургии (А. Вампилов) и музыке (В. Гаврилин); во-вторых, тема деревенской жизни – не единственная в произведениях даже самых известных писателей данного литературного направления; в-третьих, не все произведения о деревне относили к деревенской прозе. Таким образом, в основе отнесения произведений к данному кругу литературы лежит не только тематический принцип.

А. И. Солженицын в «Слове при вручении премии Солженицына Валентину Распутину» очень точно определил основное направление деревенской прозы и заслугу «писателей-деревенщиков»: «...суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [4, с. 186].

Некоторые исследователи считают более приемлемым термин «онтологическая проза» («онтология» от греческого «он» – «сущее» и «logos» – «учение» – учение о вечном, неизменном, о главных ценностях бытия, о смысле жизни и смерти), предложенный Г. Белой и Е. Вертлибом. Термин не прижился, тем не менее его можно встретить в современных научных трудах по данному вопросу. За десятилетия деревенская проза прошла несколько этапов развития, на каждом из которых в ней происходили внутренние изменения. Менялись характеры героя, место действия, отношение крестьян к труду, к собственности. В начале XX века во всех регионах страны определяющим направлением развития становится движение от аграрного общества к индустриальному. Такие события в жизни страны не могли не вызвать отклика в литературе. В 50-е годы на первый план выходят проблемы социально-экономического характера. Характерная черта деревенской прозы этого периода – производственный сюжет, отражающий «спасение» деревни, борьбу с деревенским жизненным укладом, отсталостью. Главный герой – человек со стороны, чаще всего руководитель (председатели колхозов, секретари райкомов и обкомов, главные инженеры и агрономы и т.д.). Место действия, как правило, – не крестьянский дом, а контора. Таким образом, это литература о крестьянской жизни, но по существу почти «без крестьян». Начиная с 60-х годов внимание переключается на сохранение всего ценного в традициях русской деревни: своеобразного национального уклада хозяйственной жизни, связи с природой, трудовых навыков, народной крестьянской морали. Тема противопоставления деревни и города, противостояния всему, что несет город, выражается не всегда открыто, чаще между строк, в образах персонажей, в диалогах [1; 5]. Среди прозаиков современности, которых относят к жанру деревенской прозы, ведущее место занимают такие писатели, как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Василий Белов, Борис Екимов и др. Практически все они – родом из Сибири. Сибирь как «глобальная мифологема» природности и естественности доминирует в мировом социуме, влияя на характер миграционных процессов [6]. Именно писатели-сибиряки начиная с конца 50-х годов составили оппозицию городской культуре. Тема деревни в их произведениях «...опиралась на реальную историю освоения региона крестьянством, при котором Сибирь не знала крепостной зависимости и экономическая независимость способствовала формированию менталитета личностного сознания при сохранении ценностей родовых связей» [3, с. 396].

К концу 60-х годов в литературном творчестве данных писателей Сибирь представляется «хранительницей» национального духа. Эти идеи развивались применительно к новому литературному герою – «сибирскому крестьянину, сохранившему подлинными религиозные, этические, культурные ценности». Возникает «особый культурный герой – сибиряк» [7]. К особенностям характера коренного сибиряка традиционно относятся широкая душа, гостеприимство, вольнолюбие, желание и готовность прийти на помощь другим, предприимчивость и сноровка в работе, стойкость в тяжелых жизненных испытаниях [3, с. 396].

В произведениях некоторых наших современников, в том числе наших земляков, можно наблюдать вышеперечисленные черты «деревенской прозы», что позволяет нам говорить о развитии деревенской прозы и в наше время. Так, известный тюменский писатель Леонид Иванов в своих произведениях изображает картины из жизни деревенских жителей. В 2009 году Леонид Иванов выпустил первый сборник очерков и рассказов «Первый парень на деревне», на следующий год – повесть «Леший». Автор знает о жизни деревни не понаслышке. Леонид Иванов родился в Вологодской глубинке, куда были сосланы его родители. С раннего детства, как и все его ровесники, привык к деревенскому труду. Много читал, пробовал писать рассказы, и совершенно случайно его талант был замечен журналистом районной газеты «Волна», в которую он в 17 лет был принят литературным сотрудником. Практически вся жизнь Леонида Иванова была связана с журналистикой [2].

В рассказах Л. Иванова можно проследить основные темы «лирической деревенской прозы»: прощание с деревней или встреча-прощание, незамысловатые картины сельской жизни, часто объединенные образом рассказчика. Тип характера главных героев его рассказов – коренные сельские жители, мудрые, добрые, не алчные, трудолюбивые, сочувствующие другим. Традиционно в деревенской прозе выделяют этот тип в двух его вариантах, к тому же во многом противоположных: герои-праведники и герои-чудаки, несоответствующие стереотипам поведения. Жизнь у них складывается по-разному, а тип психологии один: доброта, совестливость, честность. Такие свойства характеров главных героев оказывают влияние и на формы повествования. Именно они исключают острое сюжетное развитие, конфликтные ситуации. Часто переживания и размышления задают тон рассказа, подчиняют себе сюжет, отбор материала и характер его освещения. Поэтому форма некоторых его рассказов и повестей, как правило, не имеет четкого сюжета, композиционное построение достаточно расплывчато. Центральное понятие в эстетике деревенской прозы – это «Дом». Дом – это родина, место, где герой родился, провел детство, был счастлив.

С какой любовью представляет себе свой будущий дом деревенский трудяга в рассказе «Мама, я иду»: «Дом получался на загляденье. Такие только в старину ставили, чтобы высокий подпол, половину которого под столярную мастерскую планировал, под хранение разного инвентаря да железок <...> Вторая часть подпола, знамо дело – для владений жены. Там будет её вотчина. Пусть сама определяет, где яму под картошку, где полки для солений да варений...» [Там же].

В деревенских рассказах Л. Иванова часто можно встретить описание незамысловатой обстановки старых домов, возвращающих нас, читателей, к прошлому, к домам наших еще живых и уже умерших родителей, бабушек и дедушек, к той простоте и некой загадочности старинных вещей, которые так притягивали в детстве. Каждый предмет, каждая мелочь знакома нам из детства и вызывает чувство умиления, возвращает в прошлое, будь то выцветшие фотографии, висящие в рамке над столом, старая кровать с панцирной сеткой или чайный сервиз за стеклом в шкафу. При этом писатель обращается к проблеме связи с родной землей, с домом. Уехав из дома, герой рассказа «Пароходы пахнут огурцами» пронесет через всю жизнь воспоминания о том особенном запахе малосольных огурцов, пришедшем из прошлого, воплощающем в себе беззаботность детства в родном доме, маленькие радости от гостей. Когда же рушится связь с родной деревней, начинаются беды, возникает бездуховность, потребительский подход к жизни, захватывают жестокость и равнодушие города.

Еще одна эстетическая категория деревенской прозы – «гармония» – образ цельного, гармонического мира, включающего в себя уклад общественной жизни (дружба, соседство, взаимопомощь), уклад семейной жизни (супружество, любовь, верность), уклад трудовой жизни (труд не ради наживы, а ради благополучия семьи). Сельские жители являются «носителями морали». Их еще не затронули те «новые» ценности, которые несет в себе город: жажда наживы, суета, нетерпимость. Их жизнь по-прежнему протекает размеренно, житейские хлопоты и трудности воспринимаются естественно, без трагичности. «В деревне ведь все с основными работами связано. Главное – сев провести, корма заготовить, да урожаем убрать, а остальную надобность промеж этих страдных дней успеть» («Мама, я иду»). При этом тема труда, именно труда, не работы, не заработков, прослеживается во многих картинах деревенской жизни, созданных писателем. А как трогательно изображаются отношения между супругами старого поколения деревни. Не всегда все было гладко, но им удалось пронести любовь и бережное отношение друг к другу через всю жизнь. После смерти супруги пенсионер Яков Павлович вспоминает: «На свадьбе у племянника моего мы с моей Наденькой-то познакомились. Так вот сразу ее заприметил, по душе пришлась. Потом вскоре поженились. Так смолоду характерами и сошлись, всю жизнь не ругивались крепко. Помаленьку, по мелочи, конечно, бывало, а серьезной ссоры – не-е-ет, не было» («До ста лет без старости») [Там же].

Как это часто бывает, после смерти одного из супругов второй «сгорает», уходит вслед за ним: «Тосковал Федор Андриич! Ой, тоскова-а-ал. Как Клавдию схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ёму тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сроковой день и забрала. Помянули, как полагаются, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочки на помин души выпили. Утром прихожу, а Федор-то Андриич все сидит в красном углу к стене привалившись. Видать сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, господи, что не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то» («Тоскова-а-ал») [Там же].

Интересно, иногда немного комично выражается любовь у более молодого поколения. В рассказе «Гостевали» Степан, сделав нехитрые расчеты, покупает водку на все время отъезда жены в санаторий, чтобы заглушить тоску, «ведь за все годы семейной жизни это была первая столь продолжительная разлука». А в рассказе «Проталина» заботливая жена, несмотря на недовольство, отправляется искать по всей деревне бутылку водки для мужа, болеющего с похмелья. У жителей города совершенно другие ценности и заботы, их интересы чаще вращаются вокруг благ материальных, и не всегда важно, каким путем они достанутся: друг шантажирует друга, желая получить его квартиру, подставляя при этом невинного человека («Пресс»), а молодой женщине в «лихие 90-е» приходится забыть о том, что она – «слабый пол», и взяться за оружие, чтобы защитить свой бизнес и обеспечить себе достойное существование («Супарень») [Там же].

В городе царят суэта, движение вперед, стремление найти себя, что-то поменять в жизни, и в то же время чувствуется некая утомленность от всего этого, стремление вырваться из замкнутого круга. Так, женщина средних лет, устав от обыденности, отсутствия эмоций, заводит молодого любовника: «У нее все хорошо. Дома мир и благодать, любящий заботливый муж. Чего не хватает? Остроты ощущений? Ну, в общем-то – да... С годами всё как-то притупилось, стало привычным...» («Мамулька»), а немолодой актер провинциального театра пьет водку под деревом, не желая возвращаться домой и слушать длинный монолог жены о его никчемности, вечно недовольной тем, что «...у них добытчиком приходится быть ей, хрупкой женщине, которой хочется жить в нормально обустроенной квартире или еще лучше – загородном доме, ездить на хорошей машине, а не на подаренных её отцом “жигулях”, которые старше их замужней дочери, красиво одеваться, иметь дорогую косметику, чтобы не стесняться выходить на люди» («Котенок») [Там же].

Жители деревни не так избалованы, они умеют ценить то, что имеют. Какую радость в рассказе «Шумахер» испытывает Серега Сорокин, купив при помощи отца не новый, но собственный автомобиль: «Ой! А соседки-то! Соседки-то! Они же во все глаза глядеть будут: кто это на такой белой машине приехал? К кому эти гости пожаловали? А Серега опустит стекло и будет приветливо махать всем рукой: мол, смотрите, это я, Сережка Сорокин, на своей машине еду» [Там же]. Одна мысль о том, как он теперь будет проезжать по деревне мимо девчонок, доставляет ему такое удовольствие, которое, наверно, никогда не испытает житель города, для него новенький автомобиль – всего лишь показатель престижа, им уже никого не удивишь. Такая непосредственность, граничащая с детскостью, в поступках, казалось бы, взрослого, серьезного парня встречается и в других рассказах Иванова.

Языковая сторона рассказов характеризуется простотой повествования, обогашением литературного языка за счет живой разговорной речи. Используя выражения, принадлежащие к разным стилистическим рядам, автор создает контраст между книжной и разговорной речью, а также подчеркивает различие, индивидуальные особенности носителей этой речи.

К характерным чертам языка деревенской прозы Леонида Иванова можно отнести широкое употребление разговорной лексики и просторечных, местных выражений, интенсивное использование экспрессивной лексики, богатство и красочность эпитетов.

В заключение хотелось бы процитировать слова Якова Павловича Вакуленко, героя рассказа «До ста лет без старости», старого мудрого человека. В его словах достаточно ясно прослеживается отношение к происходящим событиям, противопоставление духовности и моральных устоев «старой» деревни бездуховности города: «...Я ведь нравочений не читаю. Вы, молодые, никого теперь слушать не хотите. <...> Вообще раньше веселья больше было. На все праздники вечера проводили, песни пели, танцевали. А теперь что, за стол сядут, стопку за стопкой наливают, вот и все веселье. Не умеете вы теперь жизни радоваться. Все злые, ругаются. <...> А воровство возьми. Да у нас в Сибири даже в городах дома не запирали, если куда уходят. А теперь и в деревнях все на запорах, а в городе вообще страх посмотреть. Дома все в решетках, двери железные. Разве это дело, так жить, всего бояться?» [Там же].

Таким образом, Леониду Иванову в своих произведениях удается ярко передать многие реалии «старой» деревни: сохранившиеся традиции, сочетание веры и суеверий у стариков, непонятные, иногда забавные для горожан проблемы (например, процесс случки коровы с единственным быком на всю округу, которому целиком посвящен рассказ «Бантик для Геракла»), размеренный образ жизни, а также процесс столкновения деревни с новыми ценностями, «завозимыми» из города.

Список литературы

1. **Карабулатова И. С., Федорова Е. А.** Влияние перцепции топонима «Сибирь» на формирование современной этнолингвистической ситуации в регионе (на материале Тюменской области) // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3-4. С. 186-192.
2. **Леонид Иванов. Тюмень** [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/avtor/ivanovlk/> (дата обращения: 20.09.2014).
3. **Поликультурное пространство Российской Федерации:** в 7-ми кн. СПб.: Петрополис, 2013. Кн. IV. Культура Сибири / отв. ред. Л. В. Дмитриева. 452 с.
4. **Солженицын А.** Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186-189.
5. **Сухих С. И.** Лекции по истории русской литературы XX века (40-90-е гг.). «Деревенская проза» 60-80-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://sledu.ru/docs/55400/index-33279.html/> (дата обращения: 20.09.14).
6. **Федорова Е. А.** Мифоллингвистические интерпретации топонима «Сибирь» в современном языковом сознании: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2014. 25 с.
7. **Федорова Е. А., Карабулатова И. С.** О перцепции топонима «Сибирь» современной евразийской языковой личностью // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 3 (32). С. 104-108.

A DRAMATIC DESTINY OF A RUSSIAN VILLAGE IN THE CREATIVE WORK OF L. IVANOV**Bobkova Elena Aleksandrovna****Shagbanova Khabiba Sadyrovna**, Doctor in Philology*Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation**bobkova-elena@yandex.ru; skhabiba@inbox.ru*

The article is devoted to the creative work of the writer L. Ivanov as a representative of the genre of a village prose. The arguments in favour of the term "village prose" are given. In the works of this writer the issues of morality are reflected, connected with keeping spiritual values, traditions and a way of life of a Russian village, nation's morality and national moral principles.

Key words and phrases: fiction; destiny of a nation; village prose; the issues of morality; way of life; relations of a village and a city.

УДК 378.147

Педагогические науки

В статье рассматриваются вопросы обучения иностранных военнослужащих языку специальных дисциплин на занятиях по русскому языку и в процессе самостоятельной работы с военным учебно-научным текстом. Разрабатывается система заданий, обеспечивающая ознакомление с терминологией, тренировку употребления терминов в устной и письменной речи обучающихся, контроль усвоения терминов. Приводятся варианты заданий с использованием презентаций Power Point и интерактивной доски.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; язык специальности; обучение иностранных военных специалистов; задания для самостоятельной работы обучающихся; задания, выполняемые при проведении занятия; компьютерные презентации Power Point при изучении языка специальности.

Богданова Светлана Андреевна, к. филол. н., доцент*Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации**имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского**bogdanovasa24@rambler.ru***СПОСОБЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА©**

Для формирования речевой готовности иностранных военных специалистов к получению образования в военных вузах Российской Федерации при изучении русского языка проводятся занятия по языку специальных дисциплин. Центральным элементом языка специальности, носителем основного предметного содержания является терминология, поэтому обучение языку специальности в основной части состоит в усвоении специальной терминологии.

В соответствии с «Требованиями к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль» [2] к концу учёбы на подготовительном курсе словарный запас иностранца должен включать 2300 слов. 25% словаря, примерно 500-700 слов, составляет специальная лексика.

Овладение языком специальности осуществляется на основе военных учебно-научных текстов, подготовленных преподавателями профильных кафедр и обеспеченных преподавателем русского языка методически организованной системой заданий для развития коммуникативных навыков и умений иностранных военных специалистов (далее – ИВС).

Перед обучающимися стоит целый комплекс сложных языковых и речевых задач, поэтому учебный процесс должен быть организован максимально эффективно и рационально. Поскольку для развития речевых умений и навыков на основе специального текста необходимо качественное усвоение терминологии, следует отметить необходимость системы работы, обеспечивающей: а) ознакомление с терминологией; б) организацию её усвоения; тренировку употребления терминов в устной и письменной речи обучающихся; в) контроль усвоения терминов. Для успешной реализации данной схемы требуется достаточное учебное время. Учебный процесс в военном вузе включает в себя не только учебные занятия, но и самостоятельную работу во внеурочное время. В связи с этим задачи по усвоению языка специальности должны быть распределены между учебными занятиями и самостоятельной работой.

В современной педагогике основой учения признаётся именно активная самостоятельная познавательная деятельность обучающихся при отказе от доминирующего воздействия преподавателя как транслятора знаний [1, с. 13]. Обучение осуществляется на основе преобладания самостоятельных действий ИВС при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия.